

* * *

река любит мостом, лежа на спине,
как небо – Нотр Дам де Пари.
врожденное плоскостопие мысли, волны.
твой домик возле железнодорожных путей
похож на енота с усами проводами, а в глазах –
занавесочки и голубизна вечернего экрана.
а жизнь – как течение,
жизнь – чтение на планшете в рабочее время:
все самое интересное приходится прятать от начальника,
откладывая на потом, наслаждаться исподтишка.
всюду торчат соглядатаи, надсмотрщики с песьими мордами,
доброжелательные палачи.
свобода – это меч короля Артура.
ну вот ты вырвал его из камня, едва не вывихнул запястье,
но что делать с королевской свободой?
съесть, выпить, поцеловать?
а рябина на лету тигром из оранжевых бусин
бросается сквозь огненное кольцо заката,
отраженного от стекла вагона.
нечто прячется между секундами, – это микробы
наивысшей формы жизни.

...окна, омытые дождями,
как глаза младенцев, еще пусты.

еще нет души, еще жизнь не оставила на стенках зрачков
накись ржавчины, боли и радости.
зарисовки глубины.
темная лента шоссе убегает в лес, как солитер
в желудок камбалы. мягко шуршит велосипедист,
точно сама земля дышит
сквозь его колеса. и мягкое мелькание спиц -
вращающиеся механически легкие,
и голова наполняется пониманием мира,
как батискаф – таинственной жидкостью...

* * *

так лиса на воротнике пальто
чувствует белое горло:
родинка, бьется синяя жилка. что за мука и сладость
быть рядом с мечтой. вот-вот.
пусть пусты глазницы
и шершавая рыжая пасть мягка, как обувная стелька,
а сгнившие на две трети уши
ничего не слышат. но запах шеи, артерии.
как арфа – всего одну музыкальную жилу перегрызть,
всего одну жизнь пережить.
все мои несбывшиеся мечты – черные лисицы –
бродят вокруг большого дома с молочными колоннами,
становятся на задние лапы
и заглядывают в окна веранды, шевелят ноздрями.
птенчик, выходи.

зеленый фонарь

невыразимое...

я в тебя угодил, как в капкан,
пошел на родник поздним вечером,
замер безрукой статуей посреди осеннего сада.
что же делать? хватать зубами
сухие ветки – узловатые карандаши,
бросаться под длинные, как лимузины, слова.
чертить чернозем, царапать асфальт...
а молодой клен обнял самку фонаря –
стеклянный цветок на железном стебле –

желтой листвой нарядил металл –
«теперь ты жива! теперь ты одна из нас!»
три девушки с распущенными волосами
грациозно выцокотали на аллею,
за ними просеменили пушистые, как норки,
запахи дорогих шампуней...
я слышал каждый шорох, осязал детали:
велосипедист пролетел, шуршание стройное спиц,
два отрока уткнулись в гаджеты - жирные мотыльки
в кольца сиреневого света –
бьются мягкими мордами о мерцающие экраны.
и – о чудо – парень с девушкой танцуют вальс
ниже – по асфальтовому течению –
под платиновым сиянием фонаря:
она обучает парня: ангел в белой куртке и с рюкзачком,
и сотни мыслей, деталей, образов роем
жужжат, требуют, покусывают –
но сколько из впечатлений выживут?
или растают точно крошки масла
на раскаленной сковороде бытия...
я попал в медленный ураган
из желто-красных бабочек октября,
мгновений-однодневок...

Господи, как же мне все это выразить?
сквозь решето сознания просачивается
фосфоресцирующая соленая вода
смысла.

и мысли мысли мысли кружатся в голове, как музыка Листа:
смотри, как стремительно сорвался кленовый лист –
точно пианист с ногой в гипсе – выпал из балкона,
а я выскочил из вечерних теней измененный
невыразимым – будто легкой радиацией
изменили лирический код моей души.
чуть не плакал, бежал домой,
шевелил обрубками рук, сжимал зубами
зеленый призрачный луч...

ребро

да сколько можно писать про эти спальни,
но что поделаться,
если просыпаться с тобой одно наслаждение -
так привидения нежатся под побеленными потолками,
трутся фантомной кожей об известь.
по сути так мало нужно для счастья:
пробник с эндорфинами,
солнечный лягушонок любимой,
препарированный лаской и нежностью,
зажимы касаний,
красные скобы дыхания.
и слюна реальности вмиг высыхает,
точно яд гюрзы на горячем камне.
каравелла длинных спутанных волос,
с якорями, водорослями, сережкой (забыла снять)
покоится на сгибе локтя, на отмели,
изучает пупок: пустышка небытия,
дверь, заложенная кремовым кирпичом,
оттуда мы выползли –
из оранжевой овальной тьмы.

спасибо, Господи, что достал ребро,
заиндевший слиток из холодильника,
растопил, переплавил в золотистую реку,
а женское тело – речное дно
на мелководье, опускаешь руки в плоть ,
гладишь песок, вязкую шкуру прибрежного зверя,
веерные ракушки сосков,
и промелькнет малек родинки.
и не важно, кто входил в ручей до меня.
я не хочу знать, откуда этот тонкий шрам
от кесарева сечения. на раз-два-три
вымрете все акулы. хитрая рыбка
улыбки, и лобок – бритый причал,
и даже если я сейчас ерунду написал – это не страшно,
но где-то рядом притаилась глубина,
настоящая, темная, хищная...

контрабандист

тебе дали слово – так пинцетом держат бриллиант,
прежде чем насильно скормить его попугаю Флобера –
клювастому контрабандисту в клетке,
болтливому, со словарным запасом третьеклассника.
так куда же ведут слова? куда
уводят нас дороги из желтого кирпича –
витиеватые, лабиринтные,
по которым никто не сумел пройти до конца,
не свернув, не свихнувшись,
не выписавшись, как писающий мальчик во время дождя?
что же там? мерцает, как шрам,
горизонт нашего бессмертия.
и чертоги света объаты пламенем ночного ветра,
и вот так ты уменьшаешься до размеров рыжего муравья,
прыгаешь по клавиатуре, чтобы всей оставшейся мощью
пропечатать лапками нечто; ты перелезаешь через слово,
будто мальчишка через ограду сада.
и не верь табличкам на воротах русского языка
«осторожно! злая собака!» –
там нет ни овчарок, ни очарованных гениев,
и ты кувырком влетаешь в другое измерение,
нащупываешь нужное слово в темноте, как вспышку,
как шишку на голове;
вот она – эврика восхитительного вранья,
вот оно – прозрачное и легкое, как пух,
прикосновение уст
истины.
колдовская шелковая радость – я пишу, следовательно,
не только существую...